

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ ТАТАРСТАНА

Булат Салямович Алишев,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420021, г.Казань, ул.М.Межлаука д.1,
bulat.alishev@gmail.com

В статье представлена структура ценностей молодежи, выявленная в ходе исследований, проведенных в последние годы в различных возрастных, половых и этнокультурных группах людей. Особенностью данного исследования является то, что оно опирается на теоретическую модель и соответствующую ей методику, ранее не использовавшиеся другими авторами. Суть этой модели заключается в том, что ценности понимаются как функциональные модальности, в рамках которых происходит определение значений объектов и ситуаций взаимодействия. Выделено 4 типа таких модальностей, образующих относительно независимые друг от друга «ценностные пространства». Проведенное эмпирическое исследование на общей выборке в 2542 испытуемых, представляющих молодежь студенческого и школьного возраста татарской и русской национальности, показало, что основное различие между этими этнокультурными группами состоит в большем предпочтении первыми прагматических ценностей и в большей ориентации вторых на ценности, связанные с социальными взаимодействиями.

Ключевые слова: ценности, взаимодействие, функции, основное ценностное отношение, первичные функциональные ценности, ценности – сферы жизнедеятельности, ценности – события жизнедеятельности, татары, русские.

Введение

В последние десятилетия социологами, культурологами и социальными психологами проведено по всему миру огромное количество исследований структуры ценностей различных групп людей на основе разных теоретических моделей и с использованием различных методик [1-10]. Проводились такие исследования и в Татарстане [11-12]. Очередное обращение к этой проблеме может показаться избыточным. Но оправданием для него является то, что данное исследование опирается на теоретико-методологический подход к пониманию сущности ценностей, который не использовался другими авторами. Его особенности обуславливают также специфику классификации ценностей, методики выявления их структуры и, соответственно, полученных результатов.

В современной науке существуют разные теоретические подходы к проблеме ценности и ценностей. Основные различия между ними расположены в континууме между двумя крайностями: пониманием ценностей как объектов, имеющих значение для индивида (или значения объектов для него), и пониманием их как абстрактных сущностей, существующих независимо от каких-либо объектов. Обе крайности имеют давние философские корни, на которых я не буду останавливаться. Первый «проник» в

психологию из социологии. Классическое для нее определение ценности как «любого предмета (datum), обладающего эмпирическим содержанием, доступным членам социальной группы, а также значением (meaning), вследствие которого он является или может быть объектом действия», было дано Ф.Знаецким еще в 1918 г. [13: 21]. Второй подход характерен в большей степени для современной этики и культурологии, в которых принято разделение ценностей на внешние, поверхностные (extrinsic) и внутренние, глубинные (intrinsic) и делается акцент на последних как на «настоящих» ценностях. Обычно под «глубинной» ценностью подразумевается внутренняя природа и сущность объектов [14: 261] или их неразрывная связь с желанием и потребностью [15: 401].

По всей видимости, различия, существующие во взглядах и подходах к пониманию сущности ценностей, обусловлены многозначностью самого слова «ценность». В английском языке «value» означает и ценность, и оценку, и стоимость. Такая же ситуация наблюдается и в русском языке. Достаточно сравнить два коротких словосочетания: «ценность свободы» и «свобода – ценность». Первое поднимает вопрос об объективном и субъективном значении свободы. Второе включает свободу в число ценностей. В первом случае мы будем иметь

дело с чем-то относительным и, следовательно, измеряемым; во втором случае понятие ценности приобретает абсолютное звучание, что и находит отражение в таких выражениях, как «общечеловеческие ценности», «гуманитарные ценности» и др. Отсюда возникает вопрос: может ли быть предложено такое понимание сущности ценностей, которое позволит преодолеть противоречия между традиционными подходами? Данная статья как раз и посвящена обоснованию возможности такого понимания и изложению результатов основанного на нем исследования, которое было проведено на двух выборах студентов и школьников-старшеклассников, отличающихся по этнокультурному признаку (татары и русские).

Теоретические положения исследования*

Чтобы разобраться в сущности ценностей, нужно провести анализ того, как происходит взаимодействие между Человеком и Миром, между индивидом и средой. Очевидно, что оно становится возможным лишь потому, что у индивида есть биологически заданные потребности, и он способен получать информацию из окружающей среды о различных объектах и явлениях. Однако эта информация – ничто, если ему неизвестно ее значение. Поэтому одной из важнейших функций психики вообще нужно считать определение значения получаемой информации. Но следует ли отсюда, что значение и есть ценность? Значение – оно, наверно, и есть значение, а объект есть объект. Нет необходимости называть их другим словом. Ценность не может быть сведена к объекту или к его значению, но здравый смысл подсказывает, что она связана с процессом определения значений. Как связана? Для ответа на этот вопрос надо рассмотреть указанный процесс. Тут имеется, по крайней мере, два направления анализа.

Первое связано с тем фактом, что перед индивидом всегда возникают вопросы о *содержании* взаимодействия, взаимных соотношений и связей. Не существует абстрактного вообще-значения, есть только значения конкретные. Следовательно, должны существовать разные по содержанию модальности определения значений. Отсюда возникает следующий вопрос: что они собой представляют? Второе направление анализа состоит в том, что всякое определение значения может быть рассмотрено

как *измерение*. Для этого, безусловно, субъекту нужны некие критерии и шкалы. Каковы они и откуда берутся? Далее я постараюсь дать ответы на поставленные вопросы.

Итак, взаимодействие между индивидом и средой всегда имеет некое содержание; все, что делается, делается для чего-то и имеет некие значащие результаты и последствия. Объект и ситуация оцениваются под некоторым углом зрения, а он зависит от того, каковы в данный момент потребности, интересы, цели индивида. Один и тот же объект в разные моменты времени приобретает одинаково большое значение для него, но в одном случае по одной причине, а в другом – по другой содержание значения будет разным. В третий момент времени он не будет иметь никакого значения, но окажется важным другой объект. Это так, потому что нет универсальной потребности индивида и нет объекта, ситуации, которые могли бы удовлетворить все потребности индивида (таким объектом может быть только Мир в целом). Таким образом, вопрос о содержании значения есть вопрос о *функциональности* объектов и взаимодействия с ними.

Под *функцией* в данном случае я понимаю *обладающую неким содержанием связь между индивидом и объектом*. Очевидно, что сами по себе объекты не функциональны. Но они «обладают» различными физическими качествами (свойствами). Один и тот же объект «обладает» множеством свойств: конкретный камень годится как для постройки стены, так и для того, чтобы бросить его в воду и любоваться расходящимися кругами. С другой стороны, одно и то же свойство обнаруживается во множестве объектов: множество разных камней (и не только камней) годятся для строительства стены. Отсюда вытекают два следствия. Во-первых, между объектами и функциями нет жесткой привязки. А это означает, что и индивид относительно независим от конкретных объектов. Они являются для него взаимозаменяемыми. Единственное, что ему нужно от них, – то, чтобы они были функциональными. Функции и объекты образуют для субъекта гигантскую, многомерную матрицу.

Во-вторых, понятие функции не только выражает связь между индивидом и объектом и фиксирует содержание взаимодействия между ними в конкретном случае, но и фиксирует его в общем виде. Всякая функция является *обобщением*. По всей видимости, существует совсем небольшое количество основных, конечных функций, реализуемых во взаимодействии в системе индивид – объект, и они связаны с самыми фун-

* Размеры журнальной статьи позволяют представить в ней только основные теоретические идеи. Более полное изложение концепции, на которую я опираюсь, можно найти в других моих работах [16-17].

даментальными по содержанию связями человека с окружающим миром. В том, что это так, убеждают сами особенности строения психики. В ее структуре важнейшее положение занимают механизмы, обеспечивающие обобщение.

Способность к обобщению является, например, одним из основных свойств мышления. Л.С.Выготский в связи с этим писал: «...каждое слово представляет собой скрытое обобщение, всякое слово уже обобщает, и с психологической точки зрения значение слова представляет собой обобщение. ...В силу этого мы можем заключить, что значение слова,... его обобщение представляет собой акт мышления в собственном смысле слова» [18: 17]. Трудно выразиться более ясно. Это же пытаюсь показать и я. Разница лишь в том, что я рассматриваю не мышление, а взаимодействие, не слова, а объекты, но, во-первых, слова обозначают объекты, во-вторых, они сами могут рассматриваться, как объекты. Получается, что имеет значение именно обобщенная функциональная связь, и лишь потом значение переносится на предмет, а мышление связывает предмет с функцией.

В не меньшей степени обобщение осуществляется другими психическими процессами – прежде всего эмоциями. Более того, они являются древнейшим механизмом обобщения, и для определенных типов ситуаций справляются с этой задачей значительно лучше и быстрее, чем мышление. Можно только поражаться тому, как психика без всякого вмешательства сознания (хотя и совершая порой ошибки) в считанные доли секунды «находит» в совершенно разных объектах и ситуациях нечто существенно общее и сообщает об этом через эмоцию. Она – сигнал о функциональности взаимодействия. Эмоция – безусловно, обобщение, и странно, что психологи уделяют этому вопросу мало внимания. Такая трактовка рассматривалась Ж.-П.Сартром, который писал: «Эмоцию можно понять только, если искать в ней *значение*. По своей природе это значение функционального порядка. Следовательно, мы приходим к тому, чтобы говорить о *финальности эмоции*» [19: 127]. Однако затем он все свел к проблеме магического поведения.

Очевидно, что психические механизмы обобщения нельзя оторвать от механизмов различения, поскольку обобщать можно только при одновременном отделении одной сущности от всех остальных. Итак, психика должна обеспечивать обобщение и различение. Она может это сделать благодаря тому, что в ней представлены отличающиеся друг от друга по содержанию типы функциональных связей между

субъектом и объектом. Их можно назвать *функциональными модальностями определения значений*. Таких модальностей много, но среди них имеются сравнительно частные и фундаментальные, финальные. В той мере, в которой конечные функции взаимодействия связаны с биологическими потребностями, субъект «обладает» врожденным знанием о них. В той мере, в которой увязки с биологическими потребностями нет, такое знание формируется в процессе социокультурного становления личности (так, например, формируются представления о справедливости, добре, успехе и др.).

Человек не просто определяет значения в рамках функциональных модальностей. Он определяет для себя приоритетность (относительное значение) их самих. Он вынужден это делать, т.к. конкретные ситуации взаимодействия чаще всего разноплановы: определять значения в них можно и нужно сразу в нескольких модальностях. Определение приоритетности той или иной из них – есть решение задачи: что важнее в данной ситуации. В применении к объектам, обладающим одной и той же функциональностью, задача принимает иной вид. В этом случае множество объектов оценивается в некоем континууме на предмет величины или меры их конкретной функциональности. В реальных ситуациях жизни решаются одновременно обе указанные задачи, т.е. человек одновременно определяет, каковы по содержанию возможные значения и каковы их меры.

Как уже было сказано, определение *меры значения* (или *меры функциональности*) объекта, действия, ситуации требует наличия у индивида измерительных шкал. Иначе задача в принципе не решается. Таких шкал у него должно быть столько же, сколько существует самих функциональных модальностей определения значений. Если же учесть, что значения объектов определяются чаще всего сразу по нескольким модальностям и объединяются в сложные ситуации, образуя нечто целостное, то проблема измерения величины значения оказывается весьма непростой. По всей видимости, существуют принципиально единые для всех людей и в этом смысле объективные механизмы шкалирования, используемые психикой, мозгом в таких ситуациях определения значений, когда нет возможности установить точные количественные соотношения.

Таким образом, сознание и психика человека содержат в себе огромное количество функциональных модальностей определения значений и разного типа шкал измерения значений. Это так, потому что для человека нет ничего важнее, чем организация своего взаимодейст-

вия с окружающей действительностью, а оно, как мы старались показать, невозможно без определения значений.

Что же такое ценности? Если понимать их как «чистые» содержания, причем ограничиваться содержаниями высокого уровня обобщенности (добро, справедливость, любовь, власть и т.д.) и абстрагироваться от текущей жизни человека, они начинают казаться озаренными «небесным светом» вечных абсолютных универсалий. Однако если ценности и абсолютны, то только в том смысле, что существуют очень длительное время – веками и тысячелетиями, несопоставимое со сроком жизни даже многих сменяющих друг друга поколений (отсюда наличие «вечных» проблем и «вечных» тем). Если понимать ценности как измеряемые величины, то возникает психологически совершенно понятная возможность «выведения» их в объективную действительность, за пределы индивида. Все, что имеет величину, может быть так или иначе измерено, и человеку привычно, что все это находится во внешней действительности. Так объекты начинают определяться как ценности, а далее вся проблема переводится в плоскость количественных сравнений и сопоставлений отдельных объектов друг с другом. Следующим логическим шагом при такой стратегии мышления должно стать фактическое отождествление ценности со стоимостью.

Я полагаю, что ценность представляет собой единство содержания и величины, но величины, которая характеризует только упорядоченность различных содержаний. В рамках развиваемого мной подхода *ценности* понимаются как *отраженные в психике и сознании человека функциональные связи между субъектом и объективным миром, имеющие конкретную модальность, обусловленную их содержанием*.

Фундаментальные ценности имеют как индивидуально психологические, так и социокультурные корни. Первые определяют номенклатуру ценностей, единую для всех людей, вторые – содержание, т.е. трактовку сущности каждой ценности. Например, добро является ценностью для всех людей (для кого-то большей, для кого-то меньшей), но каждый человек по-разному понимает, в чем оно заключается. Человек живет и совершает поступки в соответствии со своими фундаментальными ценностными приоритетами и в соответствии со своими представлениями о существовании каждой ценности, но и то, и другое далеко не всегда им адекватно осознается.

Исходя из сказанного выше и в отличие от большинства существующих подходов к струк-

турированию ценностей, я исхожу из наличия нескольких ценностных «пространств», переkreщающихся, но относительно независимых друг от друга. В каждом из этих «пространств» ценностные приоритеты определяются человеком отдельно. Например, я полагаю, что человек не делает выбора между любовью и истиной или между работой и статусом, поскольку эти ценности принадлежат к разным «пространствам» его жизни. Расположение их в одном перечне при проведении исследований только искажает реальную картину ценностных приоритетов. При этом необходимо отметить, что вряд ли возможно выделить полностью независимые друг от друга классы ценностей, как вряд ли возможно выделить внутри каждого из них полностью независимые друг от друга ценности.

Как бы то ни было, выделяем 3 таких класса («ценностные пространства»): а) первичные функциональные ценности, охватывающие основные аспекты взаимодействия человека с Миром и обозначающиеся такими фундаментальными понятиями, как польза, истина, красота, свобода, добро и др.; б) ценности – сферы жизнедеятельности, среди которых, например, забота о собственном теле и здоровье, семья, работа, дружба и др.; в) ценности – цели жизнедеятельности, включающие в себя основные движущие силы активности человека: материальные блага, гармония в отношениях, саморазвитие и др. Первый из них не случайно назван первичным. Он образуется ценностями, во-первых, максимально общими, во-вторых, непосредственно вытекающими из самых корней природного и социального бытия человека.

Очевидно, что, следуя инстинкту самосохранения, все живое, включая человека, первым делом должно определять *пользу*, выявлять значения в континууме «польза – вред». Функция «польза» связана с удовлетворением всех потребностей, включая биологические, познавательные, социальные и т.д. Конкретных «польз» чрезвычайно много, и они нередко противоречат друг другу: полезное в одном отношении оказывается вредным в другом. Иначе говоря, в любом объекте могут быть заключены полезные качества и свойства и в любом взаимодействии какое-нибудь из них может реализовываться.

Полезность или вредность объекта (действия) должна быть известна либо заранее, либо она должна стать известна в процессе взаимодействия. Отсюда вытекает наличие такой функциональной модальности определения значений, как *истина*. Она служит информационной основой для определения пользы. В слу-

чае с человеком это более очевидно, но верно и в живом мире в целом. Просто в нем велика роль врожденного «знания» истины. Оно входит составным компонентом в разнообразные инстинкты и безусловные рефлексы.

В отсутствие предварительного знания истины, когда она не дана в непосредственном восприятии или не поддается аналитическому выявлению, польза и вред должны оцениваться приблизительно. Первое, что должно быть сделано, – это определение соотношения сил между индивидом и объектом, что вытекает из требований инстинкта самосохранения. Отсюда следует факт наличия функциональной модальности определения значений, которую можно обозначить термином *мощь* (сила), имея в виду не только физическую мощь, выраженную в размерах, массе, энергии и т.д., но более широкий смысл понятия, в том числе социальный (мощь государства, сила общественного мнения, имеющиеся у личности возможности влиять на решения или самому их принимать и т.д.).

В том случае, если оценка мощи остается неопределенной или она приводит к выводу о безопасности, дальнейшее определение значения может идти в русле другой функциональной модальности, связанной с ориентировочным, исследовательским инстинктом, т.е. с явлением интереса. Объект «способен» привлечь внимание, если обладает качествами (цвет, размер, форма и др.), вызывающими положительные ассоциации. Иначе говоря, объект «должен» производить первое, чисто перцептивное впечатление, на основе которого и производится оценивание. Из этого следует, что имеется функциональная модальность определения значений и, следовательно, ценность, которую применительно к человеку следует называть термином *красота*.

В социальной жизни эти четыре ценности не только трансформируются и усложняются, их оказывается недостаточно. Центральной ценностью и центральной функциональной модальностью определения значений в социальных взаимодействиях становится *добро*, которое находится во множественных взаимосвязях с категорией «пользы». В отличие от пользы, добро состоит в осознанном согласовании индивидуальных польз, в получении кем-либо пользы без ущерба для других субъектов и в принесении пользы другим. Добро «распределяется» в соответствии со сложившимися социальными, моральными представлениями о нем, существующими в обществе, и индивидуальными представлениями, сформировавшимися у каждого субъекта. Следовательно, «добро» –

это своеобразная эманация «пользы», вытекающая из социальности человека.

При определении добра и зла человек исходит из сочетания двух, в значительной мере противоположных ценностных категорий. Одна из них может быть обозначена термином *свобода* и несет в себе тенденцию к индивидуализации. В феномене свободы заключена тенденция к всеобщности «Я», к «охвату собой всего Мира» и подчинению его себе. Во всяком случае, независимость от него, что и является «финальным» воплощением свободы, невозможна без господства над ним: свобода – это прежде всего свобода от необходимости, вынужденности. Если бы было иначе, т.е. если бы сама свобода не как понятие, а как феномен имплицитно не содержала в себе тенденции к полному обособлению «Я», не могли бы возникнуть анархические и волюнтаристские идеи.

Другая категория должна быть обозначена термином *справедливость*, и она несет в себе тенденцию к интеграции с социальным (но, видимо, не только) миром. Справедливость – это отказ от части индивидуальной свободы в пользу коллективного, видового благополучия; отказ от всеобщности «Я» в пользу всеобщности «Мы». Однако большинство людей понимают справедливость преимущественно как справедливость по отношению к ним самим. Поэтому нередко наблюдаются ситуации конфликтного взаимодействия, когда одна сторона полагает, что по отношению к ней совершены несправедливые действия, но ей и в голову не приходит, что такие же действия она сама совершает по отношению к другим чуть ли не ежедневно. С другой стороны «справедливость» – понятие, отражающее тенденцию к уравниванию сил в социальных взаимодействиях. Она предполагает некое стремление к социальной гармонии.

При всей важности выделенных ценностей, они являются очень обобщенными. Только их для определения значения всех объектов и ситуаций недостаточно. Недостаточно хотя бы потому, что точно так же, как нет абстрактного вообще-значения, нет и абстрактной вообще-пользы, вообще-красоты, вообще-истины, вообще-добра и т.д. Следовательно, в реальном взаимодействии все базовые ценности-функции реализуются в чем-то более конкретном. Красота, свобода, добро, польза и т.д. оказываются функциональными в одном отношении, другом, третьем. Но в каких именно отношениях они оказываются функциональными?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассматривать различные стороны взаимодействия

субъекта с объективной реальностью. Во-первых, нужно учесть, что все взаимодействия осуществляются человеком в рамках различных сфер жизнедеятельности. Во-вторых, осуществляя их, человек придерживается некоторых универсальных способов взаимодействия. Конкретных сфер, в которых происходят взаимодействия и которые тоже превращаются в обобщенные функциональные модальности, можно выделять разное количество: многое зависит просто от меры детализации. Такие классификации предлагаются социологами и специалистами в других областях знания. Я не буду их здесь анализировать и ограничусь минимумом детализации, выделив 7 сфер:

а) органическая жизнь индивида, включающая в себя заботу о своем организме и теле, своих физических и психических состояниях, своей гигиене и внешности – *здоровье*;

б) бытовая жизнь, предполагающая заботу о доме и имуществе, о воспитании и подготовке к самостоятельной жизни детей, а также способствующая удовлетворению аффилиативной потребности – *семья*;

в) интимная жизнь как удовлетворение специфической физиологической потребности, не сводимой к простому органическому процессу, и как удовлетворение аффилиативной потребности в психологической близости – *любовь*;

г) микросоциальная жизнь, включающая в себя коммуникативные контакты с небольшим кругом людей и так же, как любовь и семья, создающая условия для удовлетворения аффилиативной потребности – *дружба*;

д) рабочая (учебная) жизнь, предполагающая профессиональную, учебную, общественную и прочую деятельность, направленную в основном на добывание средств к существованию или на обеспечение возможности их добывания в будущем – *работа (учеба)*;

е) рекреационная и развлекательная жизнь, обеспечивающая отдых и удовольствия и включающая в себя, кроме чистой релаксации, занятия любимыми делами «для души» (увлечения, хобби, способные становиться «второй», или даже «первой» профессией) – *отдых*;

ж) широкая социальная жизнь, предполагающая участие в общественных и общественно-политических движениях и событиях разного масштаба, интерес к ним, переживания из-за них – *общественная жизнь*.

Очевидно, что эти сферы не являются полностью независимыми одна от другой. Например, отдых и дружба, общественная жизнь и работа, семья и здоровье могут накладываться друг на друга. Семья и любовь в значительной

мере совпадающие сферы, хотя в функциональном отношении это далеко не одно и то же. То, что для одного является работой, для другого – отдых. Можно привести много других примеров наложения разных сфер жизнедеятельности друг на друга. Я не настаиваю на абсолютной корректности данной классификации, но полагаю, что человек и его жизнь целостны, а потому взаимные наложения сфер неизбежны.

Человеку свойственны также разные динамические тенденции, связанные с делящимся во времени взаимодействием и позволяющие ему сохранять целостное, постоянное «Я». В психологии они часто интерпретируются как базовые мотивы. В этом «ценностном пространстве» я также выделяю 7 ценностей:

а) тенденция к безопасности и покою, включающая в себя стремление к избеганию усилий, к безделью и необременительности существования – *покой*;

б) тенденция к материальному благополучию, комфорту, высокому уровню обеспеченности, богатству, присвоению объектов и обладанию ими – *материальные блага*;

в) тенденция к благоприятным отношениям, к ощущению общности, психологической близости, принадлежности к различным группам, к избеганию конфликтов и одиночества – *гармония отношений*;

г) тенденция к контролю и доминированию, проявляющаяся в стремлении к статусу, высокому положению в обществе и микросоциальном окружении, к уважению и признанию; в конечном счете, за всем этим стоит тенденция к господству, власти – *статус*;

д) тенденция к разнообразию жизни, использованию различных возможностей, к богатству ощущений и впечатлений, преодолению монотонности существования в рамках природной и социальной заданности – *разнообразие*;

е) тенденция к личностному развитию, совершенствованию знаний, умений, к личному ощущению успеха в различных начинаниях – *саморазвитие*;

ж) тенденция к самоотверженности, желание быть нужным, полезным для других людей, для общества, для дела, совершать добрые, полезные дела для них – *самоотдача*.

Все три типа функциональных модальностей определения значений пересекаются, накладываются друг на друга. Возникает наложение трех ценностных «пространств», и становятся возможными многочисленные варианты индивидуального ценностного мира личности. Однако эта трехмерная модель еще не является

окончательной. Дело в том, что у человека есть возможность в каждой ситуации взаимодействия сопоставлять свое «Я» с «Я» других субъектов, с общественным «Мы», с отдельными объектами, с Миром в целом. В каждой ситуации он способен (другой вопрос – насколько данная способность реализуется?) определять значение ее самой и ее возможных исходов для себя, для другого человека, для различных групп и общностей, для всего человечества, для природы и для Мира вообще. Выбор «Я» или «не-Я» становится для человека абсолютной «системой отсчета» во взаимодействии с внешним миром. Данное соотношение я называю *основным ценностным отношением*. Оно пронизывает описанную выше трехмерную модель структуры ценностей. В рамках основного ценностного отношения также могут быть выделены отдельные ценности. Далее я называю их в порядке «движения» от Мира к Я: *сохранение среды обитания, жизнь человека, экономический и научно-технический прогресс человечества, культурный и нравственный прогресс человечества, мощь и процветание своей общности (родины), благополучие близких людей, личное благополучие*.

Такова общая модель ценностного мира личности в рамках развиваемого мной подхода. На основе данной модели была разработана методика и проведено исследование.

Методика исследования

Для определения индивидуальных приоритетов в пределах каждого блока использовался метод попарных сравнений, который позволяет получить индексы приоритетности для каждой ценности. Пары составлялись только из ценностей одного и того же блока, причем каждая из них оказывалась в сочетании с остальными по одному разу. Таким образом, каждая ценность могла иметь итоговый индекс у конкретного респондента в виде целого числа в пределах от 0 («поражения» во всех сочетаниях) до 6 («победы» во всех сочетаниях), т.е. индексы распределялись по семибалльной шкале. Испытуемым давалась инструкция, содержащая краткое и в то же время максимально широкое определение существа каждой ценности. Они не преследовали цели навязать всем отвечающим какие-то единственные трактовки, а, наоборот, были направлены на то, чтобы избежать влияния узких стереотипов обыденного сознания на индивидуальные трактовки.

Данные, полученные с помощью метода попарных сравнений, могут быть представлены и в виде шкал порядка, и в виде шкал отношений, а в последнем случае они подчиняются закону нормального распределения. Это обстоятельство дало возможность использовать в исследовании методы параметрической статистики. Вычислялись арифметические средние индексов приоритетности ценностей по всей выборке и этнополовым группам испытуемых, показатели статистической значимости различий между ними (t-критерий Стьюдента), коэффициенты линейной корреляции между рядами индексов. Для вычислений использовался стандартный комплект статистических функций программ Excel. Выборку исследования составили 2542 студента высших и средних специальных учебных заведений, а также школьников старших классов г.г. Казани, Нижнекамска и Зеленодольска в возрасте от 15 до 23 лет; среди них было 1365 человек татарской национальности и 1177 русской, 1009 юношей и 1533 девушки.

Результаты исследования

Исходные результаты проведенных опросов по всей выборке, а также по выделенным группам испытуемых представлены в нижеследующей Таблице 1. В третьей ее графе (Р+Т) приведены средние значения индексов приоритетности ценностей для всей выборки, не нормированные по половому признаку. Это означает, что на их величины повлияло значительное преобладание девушек над юношами и в какой-то степени преобладание гуманитариев над представителями технических специальностей. Однако это влияние не настолько сильное, чтобы исказить общую структуру ценностных приоритетов, поэтому пока я его игнорирую.

Как можно видеть, в рамках основного ценностного отношения последовательность приоритетов по всей выборке представлена следующим образом: благополучие близких – жизнь человека – сохранение среды обитания, личное благополучие – развитие культуры и нравственности, могущество родины – экономический и технический прогресс (здесь и далее в подобных перечнях тире соответствует наличию между индексами статистически достоверных различий по t-критерию Стьюдента хотя бы на уровне $\alpha = 0,05$).

Таблица 1

Индексы предпочтения различных ценностей по всей выборке и в разных этнических и половых группах молодежи Татарстана

№	Ценности	Вся вы- борка (2542)	Татары (1365)	Рус- ские (1177)	t	Муж- чины (1009)	Жен- щины (1533)	t
1	Среда	2,79	2,78	2,80	0,674	2,80	2,79	0,846
2	Жизнь	3,95	4,07	3,80	0,000	3,75	4,08	0,000
3	Культура	2,57	2,49	2,67	0,004	2,41	2,68	0,000
4	Техника	1,73	1,73	1,72	0,929	2,06	1,51	0,000
5	Родина	2,55	2,53	2,58	0,405	2,79	2,39	0,000
6	Близкие	4,50	4,48	4,53	0,533	4,41	4,56	0,026
7	Я сам	2,91	2,92	2,90	0,811	2,78	2,99	0,011
8	Польза	2,62	2,67	2,55	0,042	2,78	2,51	0,000
9	Истина	2,95	2,87	3,04	0,008	2,92	2,97	0,401
10	Красота	2,59	2,54	2,64	0,108	2,26	2,82	0,000
11	Мощь	1,74	1,77	1,71	0,411	2,21	1,43	0,000
12	Справедливость	3,92	3,95	3,89	0,224	3,78	4,01	0,000
13	Свобода	3,62	3,6	3,65	0,385	3,61	3,62	0,821
14	Добро	3,56	3,6	3,52	0,184	3,44	3,64	0,011
15	Здоровье	3,80	3,91	3,67	0,000	3,62	3,93	0,000
16	Семья	4,39	4,49	4,26	0,000	4,47	4,34	0,019
17	Любовь	3,74	3,65	3,85	0,011	3,56	3,86	0,000
18	Дружба	3,33	3,24	3,44	0,012	3,43	3,25	0,016
19	Отдых	2,04	1,98	2,11	0,023	2,05	2,04	0,793
20	Работа	2,67	2,66	2,69	0,633	2,65	2,68	0,568
21	Общество	1,03	1,07	0,98	0,101	1,22	0,90	0,000
22	Покой	1,93	2,08	1,74	0,000	2,01	1,87	0,036
23	Блага	3,85	3,82	3,89	0,243	3,92	3,80	0,056
24	Отношения	3,78	3,71	3,86	0,012	3,47	3,99	0,000
25	Статус	2,88	2,93	2,82	0,084	3,04	2,78	0,000
26	Разнообразие	2,82	2,73	2,93	0,001	2,64	2,94	0,000
27	Саморазвитие	3,46	3,46	3,46	0,975	3,52	3,41	0,117
28	Самоотдача	2,28	2,27	2,30	0,614	2,40	2,21	0,003

Примечание: в колонках таблицы, обозначенных буквой «t», приведены показатели уровня значимости различий по t-критерию Стьюдента между соответствующими группами молодежи. Различия, значимые хотя бы на уровне $\alpha \leq 0,05$, выделены жирным шрифтом.

Налицо явная приоритетность для испытуемых двух ценностей, близких к разным полюсам соотношения «Я – не Я». С одной стороны, для них важны микросоциальные связи (благополучие близких), с другой – широкая, общегуманитарная ценность, непосредственно не связанная с собственной личностью (жизнь человека). Четыре ценности, в том числе личное благополучие, имеют средний уровень значимости, а экономический и научно-технический прогресс – пониженный. Из этого можно заключить следующее: молодые люди в основном ориентированы на благополучие в своей микросоциальной среде и на наиболее фундаментальные, общечеловеческие ценности. Сравнительно невысока у испытуемых степень

идентификации себя с конкретным обществом в виде государства. Родина и ее процветание – меньшая ценность, чем человек и человечество вообще, ближайшее социальное окружение и «Я». Обратим также внимание на то, что культурно-нравственная сторона развития общества для испытуемых более важна, чем технико-экономическая.

Эти закономерности с небольшими вариациями соблюдаются во всех выделенных группах испытуемых. Как видно из следующей колонки таблицы, примерно такие же данные и по этническим группам татар и русских. Общая последовательность ценностных приоритетов в них одинакова, а единственное отличие в абсолютных индексах заключается в том, что для та-

тар по сравнению с русскими более важной ценностью является «жизнь человека», а у русской молодежи повышается индекс ценности «культура и нравственность». Данные по половым группам более показательны. Во-первых, мы видим, что у женщин разница между максимальным и минимальным индексами гораздо выше: 2,95 против 2,25 у мужчин. Это означает, что женщины демонстрируют большую «солидарность» в своих ценностных приоритетах, а мужчины – большее разнообразие. Во-вторых, между половыми группами имеется целый ряд статистически достоверных различий. Они сводятся к тому, что для женщин более приоритетными становятся, с одной стороны, микросоциальные ценности («благополучие близких» и «личное благополучие»), а с другой – общегуманитарные ценности («жизнь человека», «развитие культуры и нравственности»). У мужчин же наблюдается заметное повышение индексов приоритетности таких ценностей, как могущество родины и экономический и научно-технический прогресс. В итоге у мужчин сильно нарушается ранее приведенный порядок приоритетности ценностей. Полученные данные подтвердились и при сравнительном анализе отдельных этнополовых групп. Эти материалы в статье не приводятся, но они указывают на то, что нет статистически достоверных различий в индексах приоритетности ценностей по этническому признаку внутри половых групп, однако они имеются по половому признаку внутри этнических групп. В целом эти данные позволяют говорить о более выраженной микросоциальной и гуманитарной ориентации женщин и о более выраженной общесоциальной и технико-экономической ориентации мужчин.

По первичным функциональным ценностям (ценности с 8-ой по 14-ую в Таблице 1) общая последовательность приоритетов такова: справедливость, свобода, добро – истина – польза, красота – мощь. Налицо довольно четкая дифференциация ценностных приоритетов у молодежи. Наиболее высоки индексы у ценностей, имеющих выраженную социально-этическую природу, затем располагаются ценности познавательные и эстетические и в самом конце экономические (в широком смысле) и иерархические.

В выборках по этническому признаку различия оказываются минимальными. Только по одной ценности – «истина» – у русской части опрошенных индекс выше, чем у татар, а у последних, в свою очередь, по одной ценности – «польза» – индекс выше, чем у русских. Дан-

ные различия проявляются только при сопоставлении этнических групп в целом, но при сравнении половых групп они отсутствуют. По всем остальным ценностям индексы предпочтения различных ценностей очень близкие. Полученные данные позволяют говорить о том, что татары обладают несколько более выраженной практической ориентацией, а русские чуть больше ориентированы на познание окружающего мира.

В выборках по половому признаку наблюдается более четкое структурирование системы ценностей у девушек (разрыв между максимальным и минимальным индексами – 2,58), чем у юношей (разрыв – всего лишь 1,57). Для девушек справедливость намного важнее свободы, а «мощь» имеет очень низкий индекс. Для юношей, напротив, индексы предпочтения справедливости и свободы сближаются, а индекс ценности «мощь» резко повышается. Кроме того, мужчины чаще предпочитают пользу, а женщины – красоту. Все эти различия легко объяснимы социокультурными ролями мужчин и женщин в обществе. В этом отношении и татары, и русские могут считаться представителями традиционных обществ с четким разделением мужских и женских ролей.

По ценностям – сферам жизнедеятельности (ценности от 15-ой по 21-ую в Таблице 1) на всем массиве данных резко выделяются своими высокими индексами четыре ценности: семья – здоровье, любовь – дружба. Далее ценности располагаются в такой последовательности: работа – отдых – общественная жизнь. В этом классе ценностей вновь налицо предпочтение, отдаваемое молодыми людьми микросоциальным связям и отношениям. Те сферы жизнедеятельности, которые наиболее близки к личному «Я», имеют повышенные индексы, а индексы далеких от него сфер (в частности, работы и общественной жизни) располагаются ниже.

По этническим группам различия вновь оказались невелики, но они весьма показательны. Если у татарской молодежи индексы двух ведущих ценностей («семья» и «здоровье») становятся еще выше, то у молодых людей русской национальности относительно повышаются индексы ценностей «любовь» и «дружба». Такое различие наблюдается и в том случае, если проводить сравнение между русскими и татарами по половым группам: и русские девушки, и русские юноши ценят любовь и дружбу больше, чем соответствующие группы татар, а «здоровье» и «семью» – меньше. Вновь можно

заметить, что татарская молодежь отличается несколько более выраженной практической ориентацией, а для русских характерна большая склонность к неформализованным микро-социальным отношениям.

Что касается половых групп, то у юношей статистически достоверно выше индексы ценностей «дружба» и «общественная жизнь», а у девушек индексы ценностей «любовь» и «здоровье». Эти различия также хорошо объясняются традиционными социальными ролями мужчин и женщин. Более неожиданным является то, что у юношей индекс ценности «семья» оказывается статистически достоверно более высоким, чем у девушек. В основном это достигается за счет юношей-татар, т.к. в русской части выборки значимых различий между юношами и девушками нет.

По последнему классу ценностей (способы жизнедеятельности) общая последовательность ценностных приоритетов такова: материальные блага, гармония отношений – саморазвитие – статус, разнообразие жизни – самоотдача – покой. Эти данные говорят о том, что большая часть молодежи стремится прежде всего к хорошим отношениям в своем микросоциальном окружении и к материально обеспеченной жизни. Интересно, что испытуемые в целом не хотят превращать свою жизнь в служение другим людям («самоотдача», готовность неустанно трудиться большинство из них не привлекает) и одновременно не хотят ограничиваться покоем, тихим и необременительным существованием.

Различия по этническим группам по данному блоку ценностей таковы: «гармония отношений» и «разнообразие жизни» играют большую роль у русских, а у татар заметно повышается индекс ценности «покой». Между юношами и девушками различия оказываются большими: у девушек повышаются индексы ценностей «гармония отношений» и «разнообразие жизни». Если первое легко объясняется, то второе, скорее всего, является следствием противоречия между дефицитом разнообразия, накладываемого традиционной ролью женщины в обществе, и ускорением процессов ее разрушения. У юношей выше, чем у девушек, индексы по двум в значительной мере противостоящим друг другу ценностным тенденциям: покой и самоотдача. Это ценности с самыми низкими индексами в данном блоке, и повышение их у юношей связано с отмеченным уже ранее большим разнообразием их ценностных приоритетов по сравнению с девушками.

Между юношами и девушками в рамках каждой этнической группы имеется по 2 различия. Татарские девушки демонстрируют повышенную склонность к гармонии в отношениях, а юноши большую самоотверженность, русские девушки также больше ценят гармонию отношений, а юноши проявляют повышенную тенденцию к покою. В итоге оказывается, что русские и татарские юноши одинаково ценят покой, а у девушек он важен только для татарок. Гармония отношений важнее для девушек, но особенно для русских; к самоотдаче больше готовы русские девушки, но еще более юноши обеих национальностей.

Итак, этнокультурные различия по ценностным приоритетам между татарскими и русскими молодыми людьми в целом невелики. На основании приведенных данных можно говорить лишь о более выраженной ориентации татар на практическую жизнь (семья, здоровье, польза, покой), а русских – на социальные связи и отношения (любовь, дружба, гармония отношений, разнообразие жизни). В группах, выделенных по половой принадлежности, наблюдается более четкая дифференциация структуры ценностей у девушек и менее четкая у юношей. Что касается различий по приоритетам, то они в основном вытекают из дифференциации традиционных социокультурных ролей мужчин и женщин. Девушки демонстрируют большую ориентацию на ценности микросоциальных отношений, на общегуманитарные и эстетические ценности, юноши более социальны (в широком смысле), более технократичны и прагматичны.

Заключение

1. Современная молодежь в большей степени ориентирована на ценности, связанные с микросоциальной жизнью (благополучие близких, любовь, семья, личное здоровье, материальные блага, гармония отношений с людьми), но в то же время для нее важны некоторые общегуманитарные ценности, характеризующие глобальную ситуацию в обществе (жизнь человека, справедливость, свобода).

2. Ценностные различия между татарской и русской молодежью выражены слабо. Их почти нет в иерархии ценностей внутри каждого их блока. Однако статистически достоверные отличия в абсолютных значениях некоторых индексов дают достаточные основания говорить о том, что русские юноши и девушки проявляют большую ориентацию на ценности, связанные с социальными связями и отноше-

ниями, а татары отличаются большей ориентацией на практическую сторону жизни.

3. Девушки имеют более четко дифференцированную структуру ценностей, чем юноши, а выявленные различия достаточно хорошо вписываются в традиционные культурные модели женской и мужской роли в обществе. Обобщая эти различия, можно говорить о преимущественной ориентации девушек на микро-социальные и нравственно-эстетические ценности, а юношей – на социально-технократические.

4. В данном исследовании рассматривались только ценностные предпочтения, но не изучались смыслы, вкладываемые людьми в те или иные ценностные категории. Иначе говоря, открытым остается вопрос о том, что именно понимают русские и татары, например, под любовью и общественной жизнью, пользой и свободой и т.д. Изучение таких представлений является важным направлением дальнейших исследований.

Литература

1. Бобнева М.И., Дорофеев Е.Д. Изменение ценностных систем личности в период преобразования общества // Ценностное сознание личности в период преобразования общества. М.: ИП РАН, 1997. С. 32-46.
2. Журавлев А.Л., Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в условиях экономических преобразований // Время как фактор изменений личности / Под ред. А.В. Брушлинского, В.А. Поликарпова. Минск: ЕГУ, 2003. С. 66-81.
3. Латин Н.И., Беляева Л.А. (ред.). Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал, УРСС, 1996. 224 с.
4. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал, 2000. Т.21, №3. С. 73-87.
5. Собкин И.С., Писарский П.С. (ред.) Жизненные ценности и отношение к образованию: кросс-культурный анализ. Москва-Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей М.: Центр социологии РАО, 1994. 151 с.
6. Хащенко В.А. Ценностные ориентации различных социальных групп в условиях разных форм собственности // Социальная психология экономического поведения / Под ред. А.Л.Журавлева, Е.В.Шороховой. М.: Наука, 1999. С. 56-67.
7. Bilsky W., Janik M., and Schwartz S.H. The Structural Organization of Human Values-Evidence from Three Rounds of the European Social Survey (ESS) // J. of Cross-Cultural Psychol, 2011. Vol.42(5). P.P. 759-776.
8. Inglehart R., Basanez M., Diez-Medrano J., Halman L., Luijkx R. (eds.). Human Beliefs and Values: A cross-cultural sourcebook based on the 1999-2002 values survey. Mexico: Siglo XXI Editores, 2004. 498 p.
9. Karakitapoglu Z.A., E. Imamoglu O. Value Domains of Turkish Adults and University Students // J. of Social Psychol, 2002. Vol.142 (3). P.P 333-351.
10. Ryckman R.M., & Houston D.M. Value Priorities in American and British Female and Male University Students // J. of Social Psychol, 2003. Vol. 143(1). P. 127-138.
11. Рогов М.Г. Ценностно-мотивационная сфера личности в системе непрерывного профессионального образования // Актуальные проблемы психологии на современном этапе общественного развития / Под ред. М.Г.Рогова и В.Г.Иванова. Казань: Изд-во «Буллеровские сообщения», 2003. С. 25-57.
12. Шакуров Р.Х., Дырин С.П., Чичаева И.И. Ценностные ориентации студентов вузов (на примере управленческих специальностей). Н.Челны: Изд-во Института управления, 1998. 108 с.
13. Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Vol.1. Boston: The Gorham Press, 1918. 526 p.
14. Moore G.E. The Conception of Intrinsic Value // G.Moore. Philosophical Studies. L.: Routledge & Kegan Paul, 1922. P.P.253-275.
15. Urban W.M. Valuation: Its Nature and Laws. L.: Routledge, 1909/2004. 466 p.
16. Алишев Б.С. Психология формирования демократической культуры студентов ССУЗ. Казань: ИСПО РАО, 2001. 244 с.
17. Алишев Б.С. Структура ценностей и ценностные типы личности современных студентов // Проблемы профессионального образования: методология и теория. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; Казань: ИПП ПО РАО, 2005. С. 232-275.
18. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. в 6-ти т. Т.2. М.: Педагогика, 1934/1983. С. 5-361.
19. Сартр Ж.-П. (1939/1984). Очерк теории эмоций // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К.Вилонаса, Ю.Б.Гиппенрейтер. М.: Изд-во МГУ. С. 120-137.